

Илья ГРУЗДЕВ

Горьковские спектакли

Одно из самых значительных явлений советской сцены — возрождение ранних пьес Горького. Каким туманом пренебрежения, недооценки, игнорирования была так долго окутана эта пьеса — «Дачники», «Есть солдаты», «Варвары», «Враги». Время их создания долго считалось какой-то паузой в творчестве Горького. А враждебная, пренебрежительная критика жизненно их появление считала доказательством «отката Горького».

На самом же деле время создания их было необычайно плодотворным периодом жизни и творчества Горького. Писатель мирового известности, он принимает участие в подготовке революции 1906 года, организует платон средства в партии, организует первую легальную большевистскую газету в Петербурге и т. д. И в это же самое время он пишет одну за другой четыре пьесы, в которых с возрастающей страстностью ставит вопрос об ответственности перед родиной и историей в эти решающие годы, разоблачает людей раздвоенного сознания, людей искривленной воли, отмечает отстающие силы, ищет творческое начало и растущие силы жизни.

Нельзя понять Горького, не увидев, какое место в его творчестве занимает проблема национальной воли. Можно даже сказать, что во всем его творчестве, от первой до последней строки (начиная с рассказа «Макар Чудра» — такая волевыми людьми, как Редя и Лоско, которые предпочли смерть вешнему принуждению, до последних страниц романа «Жизнь Клима Самгина», где Ленин является на божественном «судии» Феликсовского вокзала как воплощение всенеподобной воли) мы всюду видим решение именно этой проблемы.

В. И. Ленин писал о Льве Толстом, что он отразил целую эпоху, эпоху наступления капитализма на патриархальное крестьянство, и отразил смятение крестьянских масс. Эти массы уже невиданно враждебны им, но еще не дошли до сознания последовательной, неуклонной борьбы с этим миром.

Горький явился и истинником, и главнейшим, и деятелем другой эпохи, которая вела к действительности воли, вела к титаническим усилиям коренного перестройства родины. И весь дух эпохи, ее идеи, ее сознание был связан с этим становлением и укреплением национальной воли в том могущественном движении, которое завершилось Великой Октябрьской революцией.

Негативную форму решения этих же проблем мы видим в пьесах Горького. Когда-то в ответ на упреки в том, что в «Ревизоре» нет ни одного честного лица, Гоголь сказал: «Мне жалко что никто не заметил честного лица, это честное лицо действующее в пьесе» — смея-

ГАСТРОЛИ ГОРЬКОВСКОГО ТЕАТРА В МОСКВЕ

В пьесах Горького, полных людьми безвольными, тряпичными, которые даже застояться не могут и не умеют, людьми, которые «ки богу свечка, ая чорту кочерга», всегда присутствует другое действующее лицо — негодующие, презренные, призыва к волевым творческим началу жизни.

И если в «Дачниках» разоблачены дачники, ринки, люди-людишки, для которых родина — как дачнику его дача, где он только гуляет и мусорит, то в «Варварах» спорос поставлен сложнее.

Перед нами — волевой, энергичный, как будто не знающий компромисса человек, строитель, приходящий в уездный город не только для того, чтобы построить железную дорогу, но и для того, чтобы «город поставить вверх дном», внести новые мысли, принести новые акты. Он кажется смелым, решительным человеком, он едет в борьбу с тупицей, косяком уездным бытом. Но творчески-созидательный человек, он не идет далее разоблачения старых людей и, стремясь разрушить старый быт, вместо этого с коллегой своим инженером Цыгановым вносит миру новый газетный журнал, востановку окуроченную жизнь. Для своей родины он такой же варвар, как и патриархально-инертный городской голова Редюбов.

Сложность роли в том, что главный герой к концу пьесы разоблачается как мешанин. И вот тут И. Покровский в Горьковском театре им. Горького отлично ведет эту роль, хотя может быть в его игре временами все-таки больше трагедии, чем трагикомедии. А М. Горький писал, что мешанинскому миру принадлежит именно трагикомедия.

Сложность роли Чермука в том, что он разоблачен через самую любовь уездной девушки, жены эскизного инженера Монахова. Она начинает буйствовать, ревновать и жмет в уездном городе «постоянного» героя. Вот с ней в пьесе связана действительно трагедия женщины наизюба чуждого, но чистого сердца и страстной души, она знает только привью дорожки счастья.

В одном из отзывов Алексей Иванушечкин так комментирует этот персонаж такой пьесы:

«Она искренно верит в возможность какой-то великой, пламенной и чистой любви, верит в человека-героя, достойного этой любви».

Она любит Чермука с первого взгляда — за его смелые, разрезные движения, она думает, что вот герой!

Все время она покорно, но уверенно смотрит на него, ждет от него. Она не может не думать, что она для нее, она — для него.

В последнем акте она не может сразу поверить в свою ошибку, но когда убеждается, что ошиблась, в этот миг ее сердце умирает».

Артистка М. Прокопюк, исполняющая роль Монаховой, играет ее тонко, изящно, не боясь старомодного слова, а бы сказала — разруше. Но в этом образе нет той особенности Монаховой, которая заставляет зрителя Цыганова сказать о ней, что она не только страшная, но и страшная. А Монахова страшна исключительно ее мешанинством своей прямотой тем, что она рубит все дальности и не понимает никаких сделок, никаких лезвочувствительных чувств. И когда она в последнем акте встречается, трепет ужаса пронзится по сцене. И блеск горьковского мастерства здесь в том, что трагический финал пьесы связан с такой «важностью», как оплобный ролеу.

С паразитической силой играет эскизного инженера Монахова засл. арт. РСФСР В. Соколовский. Этому Монахову и необычен, и страшен, хотя из текста Горького эта сложность не вытекает. Но актер имеет право на художественный домысел, на развитие образа в своей понимании.

Монахов в исполнении Соколовского страшен и гадок и в своей похотливости, и в своем цинизме, и даже в своем отчаянии.

Вообще пьеса сложна и значителна своими контрастными образами. Чермука, деятельный, волевой человек, решительного образа мысли и передовых идей, оказыва-

ет мешанин, который икуда не вылезает из круга привычной морали, несмотря на высокие слова о лицемерии и лжи. Монахов, смешная и тупая уездная мешанина, вырастает в обязательный образ женщины, бесстрашной в жизни и смерти. Монахов этот вылезает из какой-то богатой уездной тины, становится судьей над приходящими инженерами считающими себя, несомненно, «солой жизни».

В пьесах Горького каждый персонаж — это слеп русской жизни. И неправда было бы считать эту пьесу о «варварах» пьесой о поруганном достоинстве эскизного инженера или о нежной загубленной молодой женщине. Это — пьеса о великой ответственности интеллигенции за русскую жизнь, за родину, это пьеса о революции.

Второй горьковский спектакль, поставленный нар. арт. РСФСР Н. Соболевским — Самаринцы, «Мешанин», давний спектакль Горьковского театра. Отлично играют засл. арт. РСФСР В. Разумов (В. Бессеменов), т. Рождественская (Акулина Ивановна), засл. арт. РСФСР Н. Ленкова (Перчаткин), засл. арт. РСФСР П. Юзин (Тетерева) и другие исполнители.

Думается только, что Бессеменов-олеу должен быть жесточе, и вообще эта пьеса — об очень большой боли прошлого, о страшной жизни, которую Горький, может быть, до конца обожил в своих автобиографических повестях. Не случайно может быть имена Бессеменовых — Великий Васильевич и Акулина Ивановна — совпадают с именами Кеминских.

Особенностью пьес Горького является как бы одержимость действительных или своих идеями — каждый приходит со своей болью, со своими вопросами, и эта полнота может иногда формулироваться с такой остротой, которая должна, естественно, гнетоднимать титанически игры. Такой великий театр, как МХАТ, гениально истолковал Чехова, создал систему камерного исполнения, проникнутого огромным внутренним содержанием. Но влияние этого театра иногда заслонит требования другого рода театральности — декларативной связи с зрительскими залом. Когда Тетерева в «Мешанине» говорит Петру: «Мешанин, бывший гражданин полчасца» — это не только очередная реплика, это всякая формула, которая должна быть доведена до зрителя во всей полноте и как бы с апелляцией к залу. То же и со стихами: «Я-солнце, светит свет, вскачь, / Наг и бою вернула влпать; / И балла, и улыбая / Пускала в море овалы».

В этом зале не только вся биография Тетерева но и философия множества людей, терпящих неудачу в условиях «окачанной русской действительности», как гласит Горький.

И еще одно замечание: «Мешанин» всемерно идет под непрерывный почти смех зрителя; не всегда причиной этого смеха хорошая игра, вскрывающая комические положения в «трагикомедии» мешанин. Зритель всемерно видит только комедию, серьезный и глубокий смысл пьесы не раскрыт.

Когда-то Чехов, отвечая одному из своих корреспондентов, пренебрежительно отозвался о Горьком, как о писателе, который попал в моду, писал: «Горький значительнее не тем, что он в моде, а тем, что первый сказал о мешанинах так, как никто до него не говорил, и это будет помнить тысячу лет».

Хорошо если бы наши театры ставили пьесы Горького так, чтобы вскрывать в них такое содержание «на тысячу лет».

Все эти мысли рождаются в связи с горьковскими постановками Горьковского театра потому именно, что об этом театре есть что говорить, его работа заинтересовывает и волнует. Кроме горьковских постановок, он привнес «Нашествие» Леонова — очень хороший спектакль, и «Олегу Дудину» А. Рязановский и М. Каца, мало удачный спектакль, в котором несомненно жеманное коллективное театра создать романтическую трагедию не нашло весомых форм. Но и ошибки театра — не от равнодушия или инерции, а от брожения еще, от неслаженности, от неготовности по ряду принципиальных вопросов. И здесь театр вправе ожидать всемерной помощи от художественной общественности и критики.